

Ольга Маховская

Соблазн эмигранции

или Женщинам,
отлетающим
в Париж

Ольга Маховская

**Соблазн эмиграции, или
Женщинам, отлетающим в Париж**

«Когито-Центр»

2003

УДК 159.9
ББК 88

Маховская О. И.

Соблазн эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж /
О. И. Маховская — «Когито-Центр», 2003

Первая книга, посвященная проблемам психологической адаптации российских женщин и их детей в эмиграции. Психологические эссе написаны автором на базе данных наблюдений и интервью, проведенных во время научных экспедиций во Францию, где она работала над проектом «Пути социализации детей российских эмигрантов во Франции» (1998–2000). Книга предназначена главным образом для родителей – реальных и потенциальных эмигрантов, а также для психологов, педагогов, журналистов и государственных служащих, в чью обязанность входит курирование вопросов миграций. Она будет, безусловно, интересна всем женщинам, стремящимся гармонично реализовать себя в условиях резких социальных изменений. Самая авангардная книга о воспитании.

УДК 159.9
ББК 88

© Маховская О. И., 2003
© Когито-Центр, 2003

Содержание

Признательность	6
Вступление	7
Женская эмиграция	7
О красоте, бесполезности и вреде мифов	8
Личные и исследовательские мотивы экспедиции в Париж	9
Часть 1	13
Миф о русской красавице в Париже	13
Интервью с известным историком моды Александром Васильевым о специфике работы в русской эмиграции. Париж, 17 ноября 1998 года	15
Подтексты женского успеха в эмиграции	24
Социальный портрет русских в Париже: до и после	27
Интервью с Сарниковым Никитой, корреспондентом Русской студии Радио Франции. Париж, 1999 год	29
Парадокс русской эмиграции первой волны	31
Русские глазами французов	35
Из первых интервью с русскими эмигрантками:	36
Часть 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Маховская
Соблазн эмиграции, или
Женщинам, отлетающим в Париж
Психологическое эссе

© О. И. Маховская, 2003

© ПЕР СЭ, оригинал-макет, оформление

Научный редактор докт. истор. наук Чудинов А. В.

Признательность

Эта книга, и продолжающееся уже несколько лет исследование было бы невозможно без поддержки множества умных, красивых и доброжелательных людей. Первым проект благословил директор французского фонда «Дом наук о человеке» господин Морис Эмар. Я получила достаточно сведений и поддержки от сотрудников Центра русских, советских и постсоветских исследований – Владимира Береловича, Алексиса Береловича, Катрин Гусев.

Моим вдохновителем и покровителем стала профессор социологии Мартин Бургос. Во время нашей первой встречи она сказала: «Все, что французы знают про русских, это то, что они кучкуются вокруг православных приходов, любят балет, да еще, пожалуй, назовут Тарковского». («Американцы сходу называют в качестве ключевых слов «русскую мафию», – подумала я). Обсуждая материал с Мартин, я много раз слышала ее возражения, за которые благодарю особо.

Десятки раз я обращалась за помощью и советом к Соне и Флоранс Кольпар и никогда не получала отказа.

Я спешу выразить свою признательность семье нашего бывшего диссидента Анатолия Гладилина, особенно его дочери Алине и его старшим внукам, с которыми мы провели немало времени. Мне постоянно помогали семьи Мехонцевых (четверо детей) и Матыциных (трое детей).

Площадку для исследований предоставил директор школы при Посольстве Анатолий Розов.

Мне никогда не хватило бы сил выдержать три экспедиции, если бы дома не ждали друзья – Жанна, Юра, Ксения.

Эта книга выходит в год сорокалетия совместной жизни моих любимых родителей. Мама всю жизнь проработала в интернате для сирот и полусирот. Отца я впервые увидела уже посевшим – молодой морской офицер, таким он вернулся из трехлетних рейсов на Кубу и Вьетнам, когда там шли военные действия. Папиных здорового авантюризма и упрямства, маминского энтузиазма, их бесконечной доброты, искреннего любопытства мне хватило на то, чтобы взять за руку десятилетнего сына и отправиться в неизвестность – в эмиграцию.

Мой сын Федор, моя опора и гордость, мой собеседник и помощник, никогда не усомнился в том, что мы делаем что-то важное и нужное. Смена школ, квартир, международные конгрессы, круглые столы, длительные перелеты и бесконечные переезды, Франция, Италия, США, Россия, Украина стали поводами для нашего взросления и возмужания.

Спасибо судьбе.

Вступление

«Соблазн всегда подстерегает случай разрушить божественный строй... Для всех ортодоксий соблазн продолжает быть пагубным ухищрением, черной магией соращения и порчи всех истин, закланием и экзальтацией всех знаков в злокозненном их употреблении... Соблазн и женственность неизбежны – ведь это оборотная сторона пола, смысла, власти...»

Жан Бодрийяр, «Соблазн»

Женская эмиграция

Эта книга могла бы иметь и другой подзаголовок: «Женщинам, отлетающим в Нью-Йорк» или «Женщинам, отлетающим в Амстердам», поскольку речь пойдет о психологической стороне жизни российских женщин в эмиграции как таковой. Так уж получилось, что основной груз забот о воспитании детей в наших семьях несут именно женщины. В порыве отчаяния или беспечности они начинают рассматривать эмиграцию, в частности, замужество с иностранцем, как счастливый билет. Факты таковы, что женщины, имеющие детей от предыдущего брака, пользуются на Западе не меньшей популярностью, чем молодые и не обремененные детьми. «Ради детей» – последний аргумент, высшая мотивация самоустранения с культурного поля, в котором рождались и выросли, но не были счастливы анонимные героини этих эссе. Благодаря брачным интернет-салонам физическое перемещение с неизбежной затем трансплантацией ментальности приобрела промышленные масштабы. Так или иначе, за пределами России оказывается все больше наших соотечественниц – наших по происхождению, языку, культуре, психологии переживания.

О красоте, бесполезности и вреде мифов

Магический Париж будет всегда занимать высшие позиции в шкале предпочтений большинства женщин мира – как эмблема всего самого изысканного, несколько манерного, но всегда обворожительного. Для россиянки этот миф насыщен еще и знанием об истории русской эмиграции во Франции, о том, что все самое лучшее в русской культуре уцелело, выжило и пережило свой расцвет там, в Париже, вдалеке от родины. И это знание служит русской женщине своего рода залогом на конечный успех и признание. «Красота в изгнании»¹ – одна из наиболее точных вербальных аранжировок утонченного и долговечного, как настоящий парфюм, российского мифа о Париже. Сочетание трагического и красивого в биографиях русских эмигранток задевает мелодраматический нерв и множится серебряным звоном в душе всякой женщины.

Выдающийся мыслитель и психоаналитик Карл Юнг указал на то, что мифы рождаются в безднах коллективного бессознательного и отражают общую, самую глубокую интенцию группы людей или народа по отношению к реальности. Женские мифы отражают самые заветные женские желания. При всем лоске некоторых мифов психологу предстоит выполнять прозаическую роль толкователя сновидений, в которых этот миф является. Психолог ведом одним сокровенным знанием – мифы опасны, если не воспринимаются с известной отстраненностью – как сказки. Красивое манит женщину – бриллиантовое кольцо, ажурный пояс, кружевной абажур, журнал с иллюстрациями, шляпка с вуалью и безжизненный жемчуг. За этим соблазном скрывается потребность стать и самой объектом любования и безоговорочной любви.

Но не о женщинах даже речь, а об их детях. Ибо пока одной рукой женщина тянется к красивому, другой она сжимает ладошку ребенка, неотступно следующего за ней. Куда?

Этот разговор, в конечном итоге, посвящен проблеме ответственности за судьбы детей, которые, находясь в объективной зависимости от своих родителей, могут расплачиваться за их фантазии и неумение построить нормальные отношения с ближайшим окружением. Эмиграция как надежда на то, что все проблемы решатся разом, относится к числу такого рода фантазий.

«Наверное, в самой природе человека – ожидать исполнения желаний, как подарка, вместо того, чтобы прилагать усилия для этого», – писала одна из основательниц женской психологии Карен Хорни. *Часть этой ответственности автор хотела бы взять на себя, выстроив систему предупреждений и продуктивных решений вокруг проблем воспитания детей в эмиграции.* Невозможно оставаться в стороне, когда речь идет о детях.

Эмиграция – это самый острый психологический и социальный эксперимент, на который добровольно решаются люди. Сам факт принятия решения выехать, одержимость, с которой они идут на преодоление бесконечных препятствий, выдает в них сильных, решительных людей. Но этих качеств мало. Вслед за пассионарным решением должна следовать кропотливая ежедневная работа по собственному переустройству.

Из всех законов культурного наследования самый неумолимый и несправедливый: детям передаются неразрешенные психологические проблемы их родителей. Как за наследственное заболевание, за наши ошибки расплачиваются наши дети. Об этом стоит говорить и думать.

¹ Так называется уникальная книга известного у нас в стране и за рубежом историка моды, работающего и живущего в Париже Александра Васильева. Он является собирателем и обладателем уникальной коллекции историй жизни русских «манекенов» (как тогда называли манекенщиц) за рубежом и, думаю, одним из непревзойденных интерпретаторов мифа о русской красавице. Об это немного позже.

Личные и исследовательские мотивы экспедиции в Париж

«Обманка, зеркало или картина: очарование недостающего измерения – вот, что нас околдовывает. Именно это недостающее измерение образует пространство обольщения и оборачивается источником умопомрачения. И если божественное призвание всех вещей – обрести некий смысл, найти структуру, в которой их смысл основывается, или же несомненно движет и дьявольская ностальгия, подталкивая к растворению и видимостям, в обольщении собственного образа или отражения, т. е. к воссоединению того, что должно оставаться разделенным, в едином эффекте смерти и обольщения. Нарцисс».

Жан Бодрийяр, «Соблазн»

Эти эссе были написаны в результате нескольких исследовательских экспедиций в Париж, поддержанных французским фондом «Дом наук о человеке» в 1998–2000 годах.

Русская эмиграция во Франции является элитной по своим истокам, наиболее оформленной и с точки зрения институтов (церкви, многочисленные ассоциации, библиотеки), и с точки зрения решенности вопроса о своей культурной и национальной идентичности. Это также одна из наиболее старых эмиграций, что позволяет уже ретроспективно отследить историю становления ее ментальности и институциональности. Это также одна из наиболее образованных эмиграций, что означает наличие большого количества свидетельств, литературных памятников, мемуаров, картин, фотографий, писем.

Несмотря на это, до сих пор не предпринимались попытки психологического анализа феноменов российской эмиграции во Франции². Одна из причин: русские никогда не заявляли о своих проблемах вовне, являясь самой молчаливой и загадочной эмиграцией в истории Франции.

Тот факт, что современная русская эмиграция во Франции малочисленна, является особо привлекательным для исследователя, ориентированного на глубокий качественный анализ проблем и восстановление картины в целом, а не на сбор холодных статистических данных.

Посмотреть, как адаптируются российские семьи в условиях западных стран – это своего рода социологический трюк, исследовательская уловка, направленная на то, чтобы обогнать время и понять, что делать нам с нашими детьми здесь в России, в условиях резких и быстрых социальных изменений. В каком-то смысле мы все оказались в эмиграции в своей собственной стране. Детей российских граждан³, выехавших в развитые страны, и наших детей, объединяет «советское прошлое» окружающих их взрослых, прежде всего их родителей. *Эмиграция – это шаржированный образ нас самих, зеркало для социальных процессов и психологических эффектов, в которые погружены мы здесь, но которые трудно отрефлексировать.* Эмиграция – это один из «кризисных», латентных сценариев, в рамках которых живет среднестатистический россиянин. Еще поколение назад, в период закрытости и идеологической монотонности, только продвинутая часть интеллигенции видела в эмиграции и диссидентстве способ

² В это трудно было поверить, имея в виду уровень цивилизованности французского общества, высокую культурную артикулированность первой волны эмиграции, глубину и пронзительность эмигрантских мемуаров, указывающих на высокую отрефлексированность переживаний и состояний человека в условиях вынужденного и внезапного разрыва с родиной. Единственная диссертация по русской эмиграции во Франции на французском языке Катрин Гусев никак не касается эмиграции современной. (Gouseff, C., *Immigrés russes en France (1900–1950). Contribution à l'histoire politique et sociale des réfugiés*, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris, 1996).

³ В категорию российских детей за рубежом попадают сейчас не только дети российских эмигрантов, но и дети сотрудников дипломатических ведомств, фирм, аккредитованных за рубежом, научных сотрудников, находящихся в длительных командировках.

ухода от жизни в ситуациях, требующих от них обязательного подчинения и стереотипности суждений – качеств, с которыми меньше всего сочетается свободолюбивая мысль интеллектуалов. Однако публичная демонстрация своей оппозиции, наиболее выраженная в эмиграции, была и своего рода поэтическим эпатажем, акцией, направленной на то, чтобы привлечь к своей персоне внимание и увеличить популярность, в которой нуждается всякий писатель или поэт. Об этом, например, говорил в одном из своих интервью известный поэт-авангардист Дмитрий Пригов. У политической, диссидентской эмиграции есть этот эстетический заряд отстранения и самолюбования, который для многих был и высшей точкой самоидентификации. Почти оргазмическое наслаждение от видения своего красивого изображения и неистовое желание убедить в этом других. *Образ Нарцисса и русская эмиграция в Париже* – эта та тема, которую я настойчиво пыталась обойти, хотя, безусловно, это существенный ракурс для описания нашей эмиграции как таковой⁴.

«Соблазн эмиграции» – это балансирование на грани реальности и фантазии в попытке открыть другую эстетику, *не эстетику вхождения в тяжелые воды эмиграции, а эстетику выхода из состояния асфиксии*, в которое попадают женщина и ребенок, оказавшись один на один со стихией. На каждом биографическом повороте параметром, по которому узнаешь о мере возможного, как раз и является чувство асфиксии, пережитое вместе с ребенком во время родов. Потом это закрепляется, перерождается в постоянную потребность успеть посмотреть ребенку в глаза – выдержим или нет? Как дельфин, выпихивающий своего детеныша на поверхность⁵.

Конечно, соблазн эмиграции – это еще и богатый познавательный прием, изыск мерцающего восприятия, двойного зрения, видения сущностного и иного. Однако в этой книге философский и гносеологический мотив исследования я бы опустила, чтобы не затуманивать вещи более существенные⁶.

Метафора противопоставления свободы и несвободы лежала в основании идеологии всех волн эмиграции вплоть до последнего времени. Советский Союз в рамках этой модели рассматривался как тюрьма, царство несвободы и тоталитаризма, а западные страны, о которых большинство знали только понаслышке, – как бесконечная свобода и радость реализации. Таким образом, сама эмиграция казалась выходом в сгармонизированный, неразорванный космос, где слова и вещи находятся в радостном согласии. Деление на официальную культуру и язык и неформальную, андеграундную культуру разговоров на кухнях и в курилках стало уже общим местом⁷. Такая ситуация раздвоенности привела к возникновению феномена внутренних эмигрантов, людей, которые не согласны «с политикой, идеологией, действиями государства, гражданами которого они являются, не имеющие возможности без ущерба для себя в силу репрессивных мер государства это несогласие выразить»⁸.

⁴ Многочисленные мемуары, в том числе и женские, воспоминания, в которых все трагично и жертвенно, особое внимание к судьбе русской литературы и искусства и полный бардак в биографиях, жестокие изломы в отношениях между людьми, жизнь на грани нормы, демонстративное небрежение к нищете и реальным проблемам, за всем этим просматривается бездна между жизнью и языком ее описания, панический страх перед правдой, детский страх наказания за бездарно потраченные и заболтанные годы.

⁵ Эта метафора не является надуманной, поскольку помимо смерти физической есть еще и смерть эмоциональная – когда ребенок перестает адекватно реагировать на окружение. Депрессии, раздражение, суицидальные попытки, побеги из дому у детей – все это проявления затянувшейся асфиксии, нехватки любви, уважения, поддержки, которой мы недодаем друг другу. Добавим сюда еще и апатию – равнодушие ребенка к происходящему, покорность и управляемость, которые так часто путают с послушанием родителям.

⁶ Теме соблазна как философской категории посвящена работа: Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000.

⁷ Воронков В., Чикадзе Е. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. – СПб., 1997; Померанец, Г. С. Записки гадкого утенка. – М., 1998. Балабанова И. Говорит Дмитрий Александрович Пригов. – М.: О. Г. И., 2001.

⁸ Иванова Е. Ф. «Феномен внутренней эмиграции», рукопись любезно предоставлена автором. Впервые проблема психологии внутренней эмиграции была поставлена в неопубликованной статье Дж. Верча и Е. Ивановой «Reflection on «Internal Immigration»», 1998.

В русской культуре персонаж, который может противопоставить себя всем и всему попадает или в герои (быть над) или в предатели (быть вне). Образ героя и образ Нарцисса при всей их одиозности вводят нас в пространство одноактных пьес с трагическим финалом. Они дают предписания умереть (в мертвом отображении, от которого нельзя оторвать взгляд, в патетической акции смертельного противостояния), но никаких – как жить. Эти мифы, лежащие в основании идеологии русской эмиграции, ограничивают ее в своем осознании. Описания «непростой жизни в эмиграции» типа тех, которыми нас порадовал в свое время Эдичка, похожие на публичные доносы, поток которых продолжается до сих пор, за которыми стоит, по сути, психология душевной праздности и культурного безделья, еще менее интересны. При всей силе используемых в них выражений.

Наша пишущая эмиграция не предложила ни вариантов проживания там, ни цивилизованного возврата домой, которые потом открывались что называется публикой попроще. Во-первых, трагедия трех волн возвращенцев показала, что эти сценарии возврата, такие же по тяжести, как сценарии ухода, пройти через которые дважды под силу не каждому⁹. Во-вторых, человек, попавшийся в ловушку героического или нарциссического сценария, не может предложить что-либо, согласующееся с жизнью нормальных людей, которые не хотят играть роль восторженной публики у экзальтированных единиц. В-третьих, предлагаемые сценарии были пригодны для ярких или психопатических одиночек, но вовсе не для тех, кто готов к адекватной роли профессионала, труженика и семьянина, требующей от окружения не экстатического обожания, а прежде всего уважения к себе, своему труду и родным. Наконец, в-четвертых, все эти сценарии, во всяком случае, в их героическом регистре, *не годятся для женщин*, стремящихся к жизни в нормальной семье¹⁰.

Отсутствие публичных деклараций и демонстративных поз в расчете на простаков задает новую интонацию в нынешней российской эмиграции. Она более жестка, прагматична и уверена в себе. В этом своем прагматизме она более тождественна западным обществам.

Произошло расширение зоны использования сценария эмиграции, он, что называется, пошел в тираж и теперь стал обкатываться в разных вариантах, не как авангардный, интеллектуальный, эстетский, а как нормальный, жизненный. Я имею в виду не столько юридические основания эмиграции, но психологические варианты проживания в чужой стране, которые имеют гораздо большее отношение к человеческому счастью, чем наличие материальных благ.

Эмиграция интересна потому, что в ней уже накопился опыт решений проблем адаптации к западной культуре. Это русские, которые не побоялись сами шагнуть в неизвестность, и разными путями попытались найти себя в объективно чужой среде. Самыми интересными собеседниками для автора были женщины, которые решились на этот вояж с детьми, и которые, как оказалось, составили существенную часть современной российской эмиграции во Франции. Вместе с тем автор предупреждает, что эти эссе – только одна из сильных психологических версий событий, окончательная интерпретация которых остается за временем и вдумчивым читателем.

Эти эссе не стоит читать второпях. Они и не писались так, а родились из многочисленных разговоров до, во время и после экспедиций, в основном разговоров женских или пропитанных женским любопытством и тревогами. Закончив чтение, вы отложите книгу, и на душе у вас, я надеюсь, станет гораздо спокойнее, чем тогда, когда вы впервые взяли ее в руки. Спасибо.

⁹ В кросс-культурной психологии этот феномен называется шоком возврата. Он описывает психологические переживания людей, которые по разным причинам вынуждены проживать вдалеке от родины в течение длительного времени, а потом возвращаются домой. См.: Ward C., Bochner S. and Furnham A. *The Psychology of Culture Shock*. Routledge, 2001

¹⁰ К досаде автора, ни одно из эмигрантских изданий не ведет рубрику о психологической жизни в эмиграции. Это своего рода табу. Нет даже детской страницы или страницы о воспитании детей в современной эмиграции.

Сиэтл, США, октябрь, 2001

Часть 1

Предчувствие эмиграции

Миф о русской красавице в Париже Интервью с Александром Васильевым, историком моды, проживающим в Париже

*«Какая там правда... Главное – красота!»
Реплика из фильма «Раба любви»*

*«Нужно или детей растить, или исследования проводить».
Из телефонного разговора с Александром Васильевым*

В 1998 году вышла замечательная книга «Красота в изгнании» историка моды Александра Васильева, посвященная русским домам моды за рубежом, русским манекенщицам, истории русского костюма¹¹. Это истории любви, успеха у публики, восторженных откликов и признания и, в конце концов, удачных замужеств. Материалы для этой книги автор разыскивал десять лет, проделав уникальную работу – собрав не только фотографии, афиши, газетные публикации по разным библиотекам мира, но и успев записать на магнитофон десятки женских историй – свидетельств манекенщиц, работавших в известных домах моды в Париже, Харбине, Константинополе, Нью-Йорке. В шикарном издании приведено 838 иллюстраций, изображающих русских манекенщиц или просто эмигранток, одетых в платья своего времени.

Для меня эта книга является самой впечатляющей экспликацией мифа о русской красавице за рубежом. Миф о русской красавице в Париже, ее успехе, очаровании и красивой судьбе стал особо быстро кристаллизироваться в начале 1900-х годов, с приходом Русских сезонов Дягилева, выставок княгини Тенишевой. В то время в Европе стал зарождаться стиль модерн, одним из направлений которого был национальный романтизм, в российском варианте – неорусский стиль. Он наиболее оформился в послереволюционное время, в период первой волны эмиграции.

Стоит ли удивляться, что книга, о которой идет речь, сотканная из многих необычных, невероятных женских историй, к которым с такой чуткостью и вниманием отнесся автор, имеет такую же невероятную судьбу. Она красива в классическом, платоновском смысле – как идеально найденная форма для материала.

Я была на презентации этой книги в Москве, была ошеломлена ее красотой, изысканностью издания. Тогда же через записку я попросила автора о встрече в Париже, куда собиралась ехать проводить исследование, которое меньше всего касалось эмиграции. Подойти я так и не решилась. Александр Васильев перезвонил мне еще до моего отъезда из Москвы, который все откладывался и откладывался из-за семейных обстоятельств, не дающих мне сделать и шагу, не то что уехать в Париж. «Нужно или детей растить, или исследования проводить! Чем-то нужно жертвовать», – назидательно заметил Александр. В тот момент погас свет во всем доме, и на протяжении всего разговора, который длился не менее двадцати минут, я сидела на полу, с аппаратом в руках, боясь шелохнуться, чтобы не дай бог не прервать беседу, которую не буду знать, как потом возобновить. «Началось», – подумала я, восприняв это как предостережение.

¹¹ Васильев А. Красота в изгнании, – М.: «Слово/Slovo», 1998. В настоящее время книга переведена на английский язык – «Beauty in exile».

Уже в Париже я никак не могла получить обещанное randevu: он все время куда-то улетал или был занят с журналистами. Я поняла смысл игры, игры в неприступность звезды. И стала уговаривать, уговаривать, уговаривать – как, собственно, и следует просить о сокровенном. И в какой-то момент, когда срок моей командировки уже перевалил за вторую половину, в день, когда меня нагло обокрали в парижском метро, едва успев разыскать хозяйку, тревожную алжирку, решившуюся на переезд в Париж с детьми – разыскать затем, чтобы взять ключ, переодеться, захватить диктофон – так вот, в тот день он позвонил и интервью все-таки состоялось.

Вместо всех этих рюшек, малиновых сюртуков, странных очков в толстой пластмассовой оправе и с розовыми стеклами, щедрого жабо – живые, лукавые глаза исключительно умного и тонкого человека, коричневый свитер грубой вязки, который всякий назвал бы хемингуэвским, прекрасная пластика, умеренная галантность и природная приветливость. «Это вы?!» – я была встречена вопросом-комплиментом. «А то!», – подумала я, уже и сама не веря в факт этой встречи. Мысленно я представила восторженные глаза прелестницы, к которой испытывал особую нежность мой сын и которая была уверена в том, что Александр Васильев живет в шикарном дворце на берегу Сены, а по вечерам, когда высокие освещенные окна отражаются в спокойных водах, прогуливается в трагических раздумьях среди многочисленных манекенов, одетых... в бог знает что. (Когда он звонил, пожаловался: «Никто меня не узнает! Для того, чтобы тебя узнавали, нужно носиться по городу в длинном золотом шарфе и менять кабриолеты на каждом перекрестке»).

Несмотря на мою природную недоверчивость и скептицизм, я и сейчас скажу: я никогда не встречала человека, который бы с таким искренним воодушевлением, эстетической бережностью, неподдельной любовью, снисходительностью и терпением относился к русским дамам в Париже (красоте в изгнании). Мне и сейчас трудно представить себе другого человека, столь виртуозного и пластичного, который бы смог такой материал собрать и так его подать. Этим я была обескуражена гораздо больше, чем предметами старины, заполнившими доверху квартиру моего собеседника.

Интервью я привожу так, как оно оказалось записано на пленке. Мне кажется, в нем сохранена интонация, слог автора. Я прослушивала его не один раз на разных этапах проведения исследования, оно было точкой отсчета и началом трассирующей дуги, проходящей через всю эту тему – женщины на перепутье судьбы, эмиграция во Францию как дальний предел женских чаяний.

Интервью с известным историком моды Александром Васильевым о специфике работы в русской эмиграции. Париж, 17 ноября 1998 года

А.В.: В России есть один исследователь, не важно, кто. Он приезжает в Париж для того, чтобы написать историю артистической жизни в эмиграции. Для этого он взял, видимо, в библиотеках все газеты, которые были написаны на русском языке. Он по-французски не читает. Это уже минус. Как только у человека есть только один или два языка, все остальные отпадают.

И он прочитал их все от корки до корки и выписал или отсканировал все статьи, связанные с работой русских певцов, балерин, артистов и т. д. И он сделал очень важную работу и составил алфавитные списки персоналий. Но только он никогда не видел их вблизи, этих артистов.

О.М.: Почему, они ведь живы?

А.В.: Да, но они не лежат на полках. Их нужно разыскивать, идти на личный контакт. А это всегда очень трудно. Не все люди готовы идти на личный контакт. Потому что они думают, что они будут: «а» – плохо выглядеть, не уверены в своем внешнем виде. Например, вы выглядите хорошо, я хочу сделать вам комплимент, вы можете быть уверены в своем внешнем виде. А есть люди, которые боятся показаться на публике. По телефону или письмо написать они могут.

О.М.: Да, такая проблема есть...

А.В.: Очень важная! Далее, «б», они не всегда коммуникабельны и не всегда обязательны. Они могут не прийти, не позвонить. Это проблема организационная. Потом многие очень боятся русскую эмиграцию как факт. Потому что они говорят по-другому. У них другие обычаи, у них другие приемы, и это тоже ограничивает доступ. Короче, он написал этот список, видимо, очень полный, но полный с субъективной точки зрения. Он опирался на заметки тех журналистов в русской эмиграции, которые в двадцатые – тридцатые или пятидесятые годы упомянули о таком-то актере или такой-то балерине. Они упомянули о них, потому что «а» – они были с ними знакомы, то есть имели дружеские отношения, или потому что они произвели впечатление, или потому что их концерт или спектакль был настолько недорог, что у них хватило денег купить билет. Может быть, более знаменитые... Эти самые журналисты не всегда попадали на лучшие концерты. Потому что тогда не было формы пресс-карточек, как теперь, и не пускали везде. И если другие русские актеры играли, например, во французском спектакле, не русскоязычном, или во французском балете, где был, скажем, дорогой билет, они о них могли вообще не упомянуть. Понимаете?

В результате в список попало огромное количество хористов и кордебалетных актеров на третьих ролях, которых даже старожилы могли запомнить не как приму-балерину, а как балерину самой дальней пыльной кулисы, которая выходила как любитель на сцену два-три раза, но попала в газету. И таким образом она попадает в хронику!

Короче говоря, мне поручено как самому главному «следопыту», поскольку у меня есть сеть моих «шпионов» в области старой эмиграции, провести уточнения. Я звоню старожилам и по телефону читаю весь список, и они мне говорят, кого они помнят, а кого они никогда не помнят. Сегодня я прояснил многое, но мне нужно обзвонить еще трех-четырех людей, а потом, уточнив список, напечатать и послать.

Это работа добровольная, я ничего из этого не буду иметь, я даже думаю: может, он напишет мне «спасибо», а может и не напишет. Мне это интересно самому, потому что я знаю, что это для будущего важно. Потому что если я сегодня не спрошу, они все уйдут в другой мир, и никто это не сможет спросить. А если я даже дам им адреса этих людей, они будут бояться

к ним обратиться. «А как я им напишу? А что они мне скажут? А если они мне не ответят?» Знаете, русские очень не уверены в себе.

Например, когда я работал над своей книгой, я работал достаточно планомерно. Потому что я вообще не представляю, что за архивы эмиграции есть. В Париже их нет. Такого архива эмиграции нет как такового. Нет такого места, я имею в виду, место, где есть личные бумаги, письма, такого централизованного архива нет. Есть в Америке два очень важных архива: один, который называется Архив Бахметьева. Другой, я боюсь соврать, но кажется, он называется Грубберовский архив. Я не был ни в одном, ни в другом. Они принадлежали к американским университетам, которые собирали вещи, связанные с русской эмиграцией. Они очень важные, эти архивы, один, кажется в Вашингтоне, другой, кажется, в Калифорнии. Я не был ни в одном, ни в другом, я не списывался ни с одним, ни с другим. Во-первых, моя книга была сделана на коленях, между контрактами. У меня не было возможности прервать всю работу, поехать в Америку на три недели не из-за денег, а из-за времени. И я не знал, что я там найду, потому что у меня было такое изобилие информации здесь. В России есть очень важный архив, который передали из Праги в Музей революции, если я не ошибаюсь. Но, как мне сказали тоже через третьих лиц, во главе – мегера, мегера не пускает. Не знаю этого человека, не встречался, не знаю, что есть там. То есть, если покопаться в этих архивах, возможно, будут добавления к моей теме.

Мои источники были французские библиотеки, японские библиотеки, китайские библиотеки, турецкие, английские библиотеки общественного доступа, где было много документов по прессе двадцатых – тридцатых годов. Не русскоязычные. Например, в Латинской Америке это была испаноязычная пресса, которая мне дала огромное количество вещей, связанных с резонансом того или иного явления русской эмиграции в глазах другой страны.

Это очень важно. Далее, около тридцати процентов моего исследования – это устные воспоминания, мифы и предания, которые я получил из первых источников. Часто они точные, а часто они субъективные, как воспоминания всякого человека: что-то хотелось вспомнить, а что-то нет. Я их включил. И большая часть связана с фактологическим иллюстративным материалом.

Визуальный материал мне очень много дал материала научного. Вот эти три главных источника – библиотечные фонды, устные материалы и иллюстративные материалы были очень важными для меня. Но многие из документов имеют коммерческую ценность. Многие из фотографий я купил за деньги на блошиных рынках, в частных коллекциях или даже в архиве французской фотографии. Есть специальный такой архив, где много фотографий одного эмигрантского фотографа Лепницкого. Они стоят очень много, одна фотография стоит от ста долларов и выше. У меня немного фотографий из этого фонда, только те, которые мне были очень нужны. Моя работа была связана со значительными финансовыми затратами. Например, фотографирование в музее музейным фотографом стоит около пятисот долларов. Я выступал как собственный спонсор, потому что никакого другого у меня не было. Это очень важно. Если бы у меня не было этих копеек, я не смог бы создать такую симпатичную книгу. Финансовая сторона была очень важна.

Далее, очень много материала было собрано не во Франции, а за границей. Как я уже сказал, в Гонконге, в Харбине, в Токио, в Сантьяго, в Буэнос-Айресе, в Аргентине, в США, в Англии, в Испании, в Италии, в Испании, в Бельгии. Перемещения я сам оплачивал. Или это было связано с моей театральной деятельностью, в таком случае театр платил, и я использовал мое пребывание за границей для исследования. Или я платил сам в случае, когда мне надо было поехать, например, в Харбин. Я понял, что, если я там не побываю, я не смогу ничего сделать. Или там, в Константинополе.

Для меня было очень важным не только общение с живым свидетелем, но и с другим носителем информации, например, потомками, свидетеля, которые были носителями преда-

ний. Или с людьми, которые не имели прямого семейного отношения, но были близки, например соседи. Они были мне необходимы, потому что никого другого я бы не смог найти.

О.М.: Ну чтобы перепроверить данные.

А.В.: Да! Задавайте ваши вопросы, а то я запутаюсь.

О.М.: Вы замечательно говорите. Возникает образ исследователя, который готов был пойти на огромные внутренние и внешние затраты. Внешние – это деньги...

А.В.: И время...

О.М.: Да, и время. А каких еще особых способностей потребовало это многолетнее и кропотливое исследование?

А.В.: Терпения, огромного терпения! Например, некоторые героини книги не хотели меня принять в течение шести лет. И если б не мое упорство под их дверью... Одна из них, я просто назову, манекенщица Монна Аверьино, шесть лет не открывала мне дверь. Говорила, что с тридцать второго года она сильно изменилась. Вы можете себе представить? И когда она мне открыла, я понял, почему она не хотела показать этого. Но если бы я бросил эту затею, то я никогда бы ее не увидел. Многие дамы сначала сказали, что они хотят меня увидеть, а потом по какой-то причине отказывали. А некоторые говорили, что не хотят, а потом хотели очень бурно!

О.М.: Но это все так по-женски...

А.В.: Да, по-женски. Потом это было связано с болезнями очень многих, с их перемещением, с болезнью родственников. А также с тем фактом, что я родился в Советской России. Что мне очень помогало, потому что я смотрел со стороны, и очень мешало при встречах. Потому что дама, например, которой я посвятил книгу¹², думала, что я советский шпион. И, разведывая это, я хочу дать повод для новой главы в деле КГБ. Объяснить, что это будет для книги, было невозможно.

Вы прочли ее, вы мне сказали. Она написана, на мой взгляд, очень грамотным, красивым языком. Несмотря на это, некоторые участницы этой книги из первой волны эмиграции жалуются на язык этой книги, говорят: «Она была написана, видимо так, как говорят «советчики»; мы на таком языке не разговариваем». Я сказал: «А какие же основные ошибки?» Они говорят: «Вы называете манекенов манекенщицами, это большая ошибка». Но в России манекен это – деревянное, недвижимое, или гипсовое. А манекенщица – это та, кто ходит по подиуму. Но форма «манекен» у нас сейчас никому ничего не говорит, несмотря на то, что я привожу здесь стихотворение «Манекен Наташа» для того, чтобы объяснить, как это слово употреблялось.

Потом, конечно, огромная работа была связана с поиском настоящих платьев. Эта работа была длительной, и, как бы я сказал, не приносившая больших плодов. Я написал во все музеи мира, в которых были коллекции платьев. И я нашел только в трех музеях мира платья с грифами русских домов. В музеях их почти не сохранилось. Но больше всего мне помогали парижские музеи, потому что они давно меня знают и относятся ко мне с большой симпатией. И самое большое, как ни странно, сопротивление, я получил в американских музеях, которые, казалось бы, всем помогают. Они мне очень сильно помогали с диапозитивами, а с платьями просто вредили. Например, музей «Метрополитен» в течение полугода не хотел мне сказать, какие платья дома Феликса Юсупова у них есть, хотя бы какой у них номер хранения и есть ли у них фотографии, чтобы увидеть. И когда я сказал, что я хочу купить у них новую фотографию, они так и не ответили, могут ли они мне это сделать, за сколько и так далее.

О.М.: У меня был небольшой опыт общения с эмигрантами, мне посчастливилось побывать в семье Ельчаниновых.

¹² В посвящении книги указано: «Посвящаю памяти Натальи Петровны Боговолово, русской портнихи, первой принявшей меня в Париже и подсказавшей мне идею этой книги».

А.В.: Александра Ельчанинова, того, который на пюсе¹³ торгует?

О.М.: Нет, у его отца Кирилла Александровича Ельчанинова, сына известного священника и мыслителя в эмиграции отца Александра. Разговаривать было трудно, хотя встретили нас чрезвычайно радушно. Я привезла из Москвы словарь русской философии со статьей про отца Александра. Я чувствовала, что не могу задавать все вопросы, не все из них могут быть приятными...

А.В.: Это всегда неприятно. У всех жизнь здесь была связана с тяжелой работой. Люди из Советской России хотели бы услышать миф: и вот они жили, и вот они продали брильянты, купили дом в Париже, она музицировала в кабаре, а он был таксистом, они прожили счастливую жизнь, и они потом уехали в Уругвай. Это – и да, и нет, потому что это было связано с тяжелыми буднями в очень враждебной стране. Потому что Франция – это враждебная страна для иностранца, несмотря на то, что все иностранцы здесь живут. Видите, они даже не хотят признать, что дети, рожденные во Франции, могут быть квалифицированы как французы. Сейчас это как раз дискутируется...

Ах, ну у вас красивые ботинки, очень идут к вашему платью...

О.М.: Спасибо. Вот вы упоминали о том, что не всякий человек из нынешней России сможет установить контакт на этом начальном этапе. Чего не должно делать?

А.В.: Чего нельзя делать? Опаздывать. Это сразу начинается скандал. Спрашивать личные вещи, задавать слишком много вопросов, не давать возможности сказать человеку. Многие люди, как ни странно, боятся фотоаппаратов и магнитофонов. Многие боятся, что это будет использовано против них или что они как-то не так будут выглядеть.

О.М.: Насколько успех ваших встреч зависел от личной контактности?

А.В.: От личной контактности, от того, от какого лица я пришел, от протекции. Но некоторые связи появились совершенно случайно, через совершенно случайных третьих лиц. Например, когда я разыскивал живых манекенщиц, одна русская актриса кино, которая здесь играет или жертв или убийц на телевидении, сказала мне, что снималась как-то в эпизоде с французским актером. Он курил мундштук и сказал: «Я это делаю так, как моя бабушка, русская манекенщица». Она дала мне его телефон, у него был всегда автоответчик, я много раз оставлял ему записки, пока он не перезвонил мне и на мой автоответчик сказал: «Телефон бабушки такой-то». Я позвонил бабушке, и она сказала: «Вы мне звоните, очевидно, по просьбе моего внука». И она мне назначила встречу. Это совершенно случайная встреча. А другие встречи были скорее закономерными. Например, я часто бывал в русских старческих домах, и писал в русские старческие дома, спрашивал у директоров, есть ли там манекены. И некоторые говорили, что есть, но они не в своем уме. «Она уже не узнает собственного сына». Иногда это было правдой, а иногда и совсем неправдой.

О.М.: Ну а если неправда, то чем это было мотивировано?

А.В.: Мотивировано это было тем, что у детей были очень плохие отношения с родителями. Они считали, что родители не в своем уме, а я считаю, что родители в своем уме, если с ними разговаривать, как следует. Часто говорили: «Она ничего не вспомнит, вы зря теряете время». Самый пожилой человек, которого мне пришлось интервьюировать, это Надежда Дмитриевна Нилос, до сих пор жива. Ей около ста шести лет. Это очень серьезный возраст. Но она слишком даже в своем уме.

О.М.: Ваша сеть агентов, она какая, сколько в ней «боевых единиц»?

А.В.: Их ряды поредели. Но я знал более десяти кордебалетных балерин. Потому что я работаю в театре как декоратор, и балерины легче со мной сходились. И из-за того, что у балерин замечательная физическая подготовка, они почти все долгожительницы. Чего нельзя сказать о драматических актрисах. Их тело абсолютно не подготовлено к долгой жизни. Или

¹³ От «les puces» (фр.) – блошинный рынок.

певицы. Потом драматические актрисы просто не дожили, и я вам скажу, почему. Драматические актрисы – те, кто работал в театре еще в России. Все остальные не стали русскими драматическими актрисами, они стали французскими актрисами. Это проблема языка. А вот педагоги, которые уехали из Мари-инки, такие как Преображенская, Егорова, они здесь воспитали другое поколение танцовщиц. Эти балерины воспитаны на Западе, но в русской традиции. Чего нельзя сказать о певицах, потому что школы русского пения не существовало. Соответственно, русские балерины держались этого круга. Драматических актрис я практически не знал ни одной. И вот я их обзванивал. Нет, я не задавал им вопросов, которые касались истории костюма, я и сам бы мог им рассказать немало. Меня интересовали персоналии.

О.М.: А остальные?

А.В.: Остальные – это потомки, которые были тронуты тем, что я обратился именно к ним. Потомки с большей радостью относились к исследованию, потому что это было связано с родителями, и с одной стороны, свято, а с другой стороны, неожиданно, что кто-то этим может интересоваться. Потому что они этим не интересовались и не знали, как сохранить наследие. То есть десять балерин, пять певиц, десять, скажем, прима-балерин, которые гораздо заносчивей парижских. Они стали знаменитыми и даже не хотели отвечать. Были такие дивы, которые были слишком великими, как скажем, Тамара Туманова. Для русского человека сейчас это ни о чем не говорит, они не знают, кто такие Тамара Туманова или Тамара Григорьева. Они такие огромные дивы, к которым бы побоялись даже и подойти. Как если сказать бывшему советскому человеку: «Екатерина Максимова», он скажет: «Ого!», а здесь скажут: «Это, наверное, какая-то советская балерина». И это не произведет большого впечатления. То есть все в мире относительно географии.

О.М.: Я могу сказать, что с вашими личными агентами у вас установились глубокие личные контакты?

А.В.: Огромные! Я могу позвонить им в любое время. И они мне могут сказать, что меня интересует, и я использую тот момент, что они еще живы. У меня была очень близкая «агентша», балерина Ольга Старке, она мне очень помогала. Нина Тихонова, внебрачная дочка Горького, помогала, но не всегда охотно. Потому что она полагала, что я перебегу дорогу ее воспоминаниям. Она написала «Девушку в синем», на некоторые вопросы она не отвечала. «Я не хочу отвечать, это будет в моей будущей книге». Хотя ничего в будущей книге и не было. И я ее понимаю.

Что помогает? Очень помогают цветы. Я никогда не являлся ни к одной даме без цветов.

О.М.: А какие это были букеты – три, пять, семь цветов?

А.В.: Нет, это были значительные букеты, как минимум двадцать роз! Все дамы говорили мне: «Ах зачем, зачем, не надо!» Потом хорошо помогают пироги и тортики, если к чаю зовут.

О.М.: А обычно предупреждают, когда на чай зовут?

А.В.: Да, обычно говорят слова: «Приходите на чай». Все знают, что это в пять часов. Вот если говорят: в пять часов, все знают, что это чай пить. А если к часу говорят, то это, скорее всего, к обеду, а если в восемь, то это, скорее всего, к ужину. Очень важно, конечно, благодарные звонки после чая или после ужина людям, чтобы сказать «спасибо» за встречу. Очень важны поздравительные открытки на день рождения, Новый год. Очень важны письма. Очень важно поддерживать связь, не исчезать с горизонта. Многие люди сохранили со мной очень нежные, «любовные» отношения, хотя это никогда не было сопряжено с наследством. Я никогда не получил никакой суммы денег ни от кого. Никогда не получил чего-то большего, чем стопки старых фотографий от них, которые имеют ценность, но не сравнимы с семейными драгоценностями или иконами, скажем. И все мои наследства были только покупками. Скажем, когда поэтесса Ирина Одоевцева уехала в Россию, я купил почти всю ее мебель – комод, витрины. Хотя я не считаю, что эта мебель представляет какую-то ценность, но она несет дух человека. Она была моей подругой. И она все время грозила научить меня писать стихи.

Это было очень смешно. Она сказала так: «Я вас научу за три часа. Вот, например, «любовь – кровь», вот видите, уже стихи. Или «привет – буфет». Потом она говорила: «Вот книга моих воспоминаний «На берегах Невы», я сейчас вам ее надпишу. «Дорогому Александру Васильеву на добрую память, с дружеским расположением – Ирина Одоевцева». Она брала артрозной рукой ручку, ставила точку и понимала, что писать ей было трудно. «Это очень долго, – говорила она. – Напишем покороче: дорогому Александру Васильеву на память от Ирины Одоевцевой». Потом: «Александру от Ирины Одоевцевой». Кончилось это так: «Саше от Иры».

Моя специальность театрального декоратора считалась в эмиграции, видимо, достаточно денежной. Хотя я вовсе не богатый человек, но по сравнению с другими эмигрантами я понимаю, что я гораздо состоятельнее их. У меня очень много картин, предметов старины, и все приходят и говорят, что у меня музей. А я живу и не думаю, что это музей. Я все время покупаю картины, какие-то вещи. Мне нравится. А подарки это были вещи, предназначенные для помойки. Они говорили: «Вот пакет книжек, мы их или выкинем, или возьмите себе».

Но сам выход книги очень мне помог в смысле моего престижа. Потому что, несмотря на хорошее ко мне отношение, меня считали человеком или странным, или, может быть, человеком, который не доведет свое дело до конца. Многие меня удручали или докучали мне письмами, в которых язвительно спрашивали: «Ну, когда же ваша книга выйдет?» А она лежала в издательстве два года. Два года ее не могли выпустить, потому что она стоила больших денег. Только типография этой книги стоила семьдесят тысяч долларов. Для России это очень большие деньги. Ее печатали в Болонье, в Италии, ее оттуда нужно было перевозить, этот макет. И даже моя научный редактор Елена Беспалова она очень разумный человек, но допустила много ошибок при редактировании. А что делать?

О.М.: У вас не было возможности вычитать книгу?

А.В.: Было! Но я же живу во Франции, каждый раз я вычитывал гранки, но потом делали корректуру и получались новые ошибки. А когда нужно было пересылать гранки, они экономили на почте. Хотя я из-за этой книги приезжал в Россию, не скрою, раз шесть. И это все на чистом энтузиазме. Потому что тот гонорар, который я получил, вовсе не покрыл моих расходов. Я это сделал, потому что я хочу, чтобы осталась память о тех людях, жизнь которых я описываю. Потому что я прекрасно понимаю, что если бы я этого не сделал, этого бы не сделал никто никогда.

О.М.: Когда вы слушали эти рассказы, вы их записывали?

А.В.: Все магнитофонные пленки сохранены. Всегда прослушивал потом, переписывал от руки, а потом перепечатывал. Все это было напечатано на машинке. У меня даже не было компьютера. Это все сделано руками на машинке «Ундервуд» из вранглеровской армии.

Но я это делал с удовольствием, я не жалею ни секунды, что столько труда было вложено. Если бы надо было это сделать заново, я бы сделал это заново. Хотя сейчас у меня проясняются факты, которые я не мог включить в книгу, но не такие значительные, я не могу сказать, что они революционные. И я ожидал, что их будет гораздо больше. В России их купили многие знающие люди, но ничего никто не добавил. Но я уверен, что в том архиве, который был взят советской армией в Праге, наверняка есть что-то новое. Я уверен также, что много информации скрыто в архиве КГБ. Потому что минимум два персонажа моей книги были двойными или тройными агентами. Эти биографии можно найти именно там. Но я туда не пойду. Это не по моей части.

Мой секретарь составил алфавитный указатель. И его задача была в том, чтобы выписать каждую фамилию по алфавиту, но он их внутри не расставил по алфавиту, но он не расставил внутри групп с буквенными подзаголовками, а также забыл номера страниц. Всю работу потом делала моя мама, на кухне. Потому что компьютер в издательстве «Слово» не справлялся.

О.М.: Когда мы начали интервью, вы заняли очень близкую позицию. Вы всегда находитесь в такой позиции по отношению к интервьюируемому?

А.В.: Ну нет, я так привык. Мне так удобней. Я стараюсь учитывать свет, я думаю о том, как будет выглядеть мой профиль. Потом приходится так сидеть, потому что микрофон не берет.

Вы очень обаятельный человек. У вас есть такая симпатичная аура. Располагаете к себе видом вашим. Вы одновременно имеете ученый вид из-за формы ваших очков, из-за вашего магнитофона, из-за вашего ключа на запястье. И одновременно вы очень женственны. У вас очень красивые ноги, вы хорошо двигаетесь. Это я рассказываю не в смысле пустого комплимента, а как человек, который связан со сценой. И научное и женственное одновременно, и это располагает к вам.

О.М.: Для меня важно, что вы отслеживаете физическое пространство интервью.

А.В.: О, что вы, я очень отслеживаю! И если бы у вас не было этих качеств, то разговор бы закончился через десять минут. Это все зависело от вас. У нас было много поводов прервать разговор: приходили Влади (солист «Мулен Руж» – *О.М.*), Стасик (один из секретарей *А.В.* – *О.М.*), звонил телефон. Я мог бы сказать: «Извините, но я очень занят». Так случилось с двумя-тремя журналистками. Одна из них сломала мой стул. Она стала качаться на задних ножках, как это делают дети, и сломала стул. И я ее выставил. Послушайте, что за манеры! Нет, не этот стул, не бойтесь! Она была очень расстроена.

О.М.: Вы очень рассердились?

А.В.: Очень! Но виду я не показал. Потом мне понравилось в вас, знаете что? Вы не сказали, как многие: «Можно я пока погуляю и посмотрю, что у вас есть?» Многие русские говорят: «А можно я к вам в ту комнатку схожу, а можно я посмотрю, какая у вас кухня?» Так делают, например, наши знаменитые примы-балерины. Они говорят: «До того, как я сяду есть, я хочу все разглядеть!» А вы пришли, взяли стул, скромно на краешек стола разместили диктофон: вы пришли сюда работать. И я был не пленен, но приятно удивлен. А не так, как некоторые русские стучат ногтем по холсту портрета и говорят: «Так это настоящая живопись?!»

О.М.: Так, ну я уже сейчас неловко начинаю себя чувствовать, хотя понимаю, что к этому нужно относиться, как к анекдоту. Я думаю, здесь много народу побывало... Поехали дальше?

А.В.: Нет! Это правда. Некоторые чуть ли ни чайные чашки переворачивают, чтобы разглядеть марку фарфора... Нет, тут не так уж много народу бывает, я все-таки стараюсь проводить селекцию...

О.М.: Так, поехали дальше...

А.В.: Я могу вам сделать замечание? Вы часто говорите: «Поехали дальше!» И это выглядит повторением. Я думаю, вам будет легче в других интервью, если вы скажете: «А сейчас перейдем к другому вопросу». Или: «Меня также интересует...». А так может возникнуть вопрос, а почему она, интеллигентный человек, обладает таким маленьким запасом слов.

О.М.: Может показаться, что так разговаривают извозчики? Хотя это скорее от гагаринского «Поехали!» и выдает мою понятную неуверенность. Я постараюсь расширить арсенал фраз, поддерживающих беседу. Надо подумать...

А.В.: Но вы не расстраивайтесь, я хочу только вам помочь. Например, я встречал одну даму в издательстве, которая все время говорила «как бы», это вообще очень популярно в России. «Я как бы работаю, как бы в журнале, как бы главным редактором». И я запомнил ее как мадам Как Бы. И я потом больше не хотел с ней встречаться. Следующий вопрос...

О.М.: Следующий вопрос, который меня заинтересовал, как долго вы проводите интервью?

А.В.: О, это все зависит от человека, от его расположения, от его здоровья. Иногда эти интервью были пятнадцать минут, иногда они длились три часа. Иногда они длились пять часов! Например, я почти довел до полусмерти леди Абди в старческом доме. Я сидел с ней три часа, и она потом сказала своей сиделке: «Он меня убил!» И действительно, она скончалась потом три месяца спустя. Я уверен, что был здесь ни при чем, потому что она была в воз-

расте 97 лет. Я просто понимал критическое состояние этого возраста, если бы я не взял этого интервью, поскольку я не всегда бывал в Каннах, где она жила, то я бы уже не смог включить эту беседу в книгу. И я отдавал себе отчет.

Но что нравилось всем людям, когда я брал у них интервью? Моя подготовленность вопросов, не общих, а конкретных. Я приходил с фамилиями тех персонажей, судьбу которых мне надо было выяснить. С определенными датами, с определенной схемой. И я не методически задавал свои вопросы, но пользовался ими как шпаргалкой. Потому что некоторые вопросы могли быть отвечены непроизвольно интервьюируемым человеком, он сам о них заговорил, а некоторые отпадали как ненужные, потому что многое вытекало из текста интервью. Но всегда приходил подготовленным. И это их больше всего прельщало. Они всегда говорили: «Как вы хорошо это знаете!» И никогда не говорили: «Что же вы ничего об этом не знаете?» То есть даже минимум знаний по такой теме необходим при таких встречах. И если человек приходит и говорит: «Я ничего об этом не знаю, но хочу все об этом узнать!», это никого не интересует и не приводит к нужному результату.

О.М.: Как потом развивались отношения с вашими корреспондентами? Всегда ли вы просили о возможности дальнейших встреч?

А.В.: Да, конечно! Другое дело, что это не всегда потом происходило. Иногда это было невозможно потому, что я не мог вернуться в страну, иногда их просто не было в живых. Самое длинное интервью я взял у дягилевской балериной Валентины Ивановны Кашубы, которое длилось семь дней кряду! Я приехал в Испанию, снял гостиницу и ходил к ней каждый день, потому что она сказала, что не сможет принять меня раньше четырнадцати часов, потому что она спит. И вот каждый день с четырнадцати до девяти вечера мы с ней имели беседу. Такое же огромное интервью я взял у любимой балерины Сталина, живущей в Лондоне Соломеи Михайловны Мессерер. В Японии в 1979 году она попросила политическое убежище, будучи уже в пожилом возрасте. Она хотела издать воспоминания, которые, я думаю, она никогда не издаст, потому что она менее интересна, чем я думал. И потом она человек, который не хотел сказать всей правды. Это неинтересные воспоминания, потому что если это книга, то мы хотим узнать все. А такие поверхностные – это неинтересно. И вот я брал у нее интервью с десяти утра до одиннадцати вечера, я думаю. Иногда я жил в доме у интервьюируемого.

О.М.: Это вам помогало?

А.В.: И да, и нет. Потому что я люблю выйти, пройтись. Не потому что я люблю смотреть на дома, а затем, чтобы сменить обстановку. Потом я почти всегда имею книги при проведении интервью для того, чтобы проверить факты, которые мне нужно. Или по журналу, или по какой-то газетной публикации. Я использую их тоже как шпаргалку.

О.М.: С кем было легче проводить интервью – с женщинами или с мужчинами?

А.В.: Абсолютно одинаково! Женщины, конечно, более кокетливы и больше склонны к сплетням. И они любили рассказывать их. Мужчин, может быть, это меньше интересовало. Не могу сказать, что была какая-то разница фактологическая. И вообще, чем больше я живу на этом свете, хотя мне всего тридцать девять лет, я все меньше вижу разницу между этими двумя полами. Считается, что пол может сказываться на характере человека, на поступках, но я считаю, что это все-таки не так. Но это все-таки мое личное мнение.

О.М.: Для меня это так странно...

А.В.: Может быть, потому что вы – женщина. И потому, что у вас более предвзятое отношение к женщинам. Потому что женщины, я заметил, не любят женщин. Я не понимаю, с чем это связано. Для меня вопрос так никогда не стоял. Я всех мирю, всех стараюсь объединить. Чтобы все были в мире, в согласии, в любви.

Вы знаете, однажды ко мне обратились за данными по истории русской оперы, и я им сказал, что вот, жива хористка, нужно обратиться к ней пока она жива. Но они не стали даже

звонить! Я их спросил, почему вы не сделали этого? Они мне сказали: «Но мы так не умеем! Мы привыкли работать с печатными источниками».

О.М.: Но это очень ограниченный подход. Историк, как и этнограф, должен воссоздавать реальность как можно более точно. В психологии есть такой принцип валидности – методы должны вычерпывать реальность.

А.В.: А вы знаете, что я ведь не научный человек! Мой отец – театральный художник, моя мать – актриса. Они ведь совсем не научные люди. С детства собирал спичечные коробки и раскладывал их в стопочки по странам и по годам. Я очень люблю систему. Вот видите, несмотря на то что здесь есть некоторый артистический беспорядок, я люблю все упорядочивать. Если вы придете в мое ателье, там нельзя пройти, такое количество книг!

Вы знаете, как мы делали макет? В моей жизни есть мало печатных изданий, которые я люблю. Но есть одно, которое я перечитываю постоянно. Оно называется «Столица и усадьба». Это моя настольная книга. У меня очень много номеров, и я их покупаю без конца. Это журнал красивой жизни. Это самый интересный для меня журнал о старой России. И этот журнал мне дал идею расположения картинок в моей книге. Я ему невольно подражал. Глаз приучен, знаете к чему? К балансу. Потом мой прием был в том, чтобы использовать круглые и овальные фотографии. Их не было, они почти все были квадратные. И это дает такой замечательный аромат прошлого. Как альбом, который хочется смотреть.

(Снова пришли гости. Разговор перешел в жанр салона. Любезный хозяин, потратив на меня четыре часа времени, успел сказать удивительную новость. Он говорил о том, что собирается издавать книгу «Сто пятьдесят лет русской моды». «Почему такое название? Потому что фотография была изобретена в 50-е годы прошлого столетия. Прошло сто пятьдесят лет. Я в такой ретроспективе совсем по-другому смотрю на русскую моду».)

Подтексты женского успеха в эмиграции

На презентацию книги «Красота в изгнании» в Париже были приглашены и героини, семидесяти – девяностолетние дамы. Гости поднимались по главной лестнице Русского Культурного Центра в Париже, украшенной свечами. При встрече автор книги каждой посетительнице галантно вручал белую розу с эмблемой книги. Так воздавалось неувядающей русской красоте.

На сцене сидели божественные дамы – все тот же перманент, изящные кисти рук, красивые, давно облюбованные позы, удачные ракурсы лиц, чеканные профили, выверенная посадка головы, выписанные, плавные, как будто немного замедленные жесты и – великолепные, не знающие времени ноги, обрамленные ниспадающими шикарными меховыми мантиями, ноги, обутые в классические, на высоком каблуке, туфли. Не память о стиле, а сам стиль. Не бывшие русские красавицы, а истинная красота, не знающая времени.

Вдруг мимо сцены стали снова молодые русские танцовщицы, работающие, как кто-то мне шепнул, в кордебалете «Мулен Руж». В коротких юбках, нарочито ярких макияжах – так, что видно с последнего ряда. Угловатые, суетливые, что называется, не в контексте. Эти два плана, оказавшись волею случая совмещенными, обозначили дистанцию в развитии образа русской красавицы.

Прошло довольно времени с тех пор, как в Париже появились первые русские красавицы. Русские актрисы уже не говорят более на европейских языках; их манеры несут в себе печать другого культурного наследия – не аристократических салонов, а маленьких провинциальных городов постперестроечной России. Кто знал, что мне придется осознать это неоднократно, столкнувшись с современной историей русской по происхождению актрисы Натальи Захаровой.

Вариация на тему книги «Цена красоты в изгнании» не обладает эстетической притягательностью, а переводит разговор в плоскость реальных отношений между людьми.

Один из планов мифа русских красавиц в эмиграции обязывал меня взглянуть на события биографий русских эмигранток во вполне определенном ракурсе: как сложилась судьба их детей? Как вообще могла сложиться личная жизнь художественной богемы в зарубежье? В своей уникальной коллекции женских жизнеописаний Александр Васильев не касался этой темы, но трудно было представить, чтобы сами женщины не упоминали некоторые факты, не коснулись тех сюжетов, в которые вовлекается всякая женщина.

Перечитывая книгу, я наткнулась на биографию великой княгини Марии Павловны, внучки императора Александра II. В 1906 году, восемнадцати лет от роду, она вышла замуж за кронпринца Швеции Вильгельма. В 1914 году брак распался, и сына пришлось оставить при шведском дворе. Вскоре она связала свою судьбу с князем Путятиным, с которым ей пришлось странствовать по Европе, пока она не остановилась в Париже, где и открыла свой вышивальный бизнес в тесном сотрудничестве со знаменитой Шанель. Мария Дмитриевна проявила невероятную настойчивость, силу духа, освоив вышивальную машину, как простая мотористка.

Но все эти успехи меркнут, если знать еще об одной жертве. В Румынии при дворе она оставила своего второго сына, который вскоре после этого скончался. С точки зрения современной женщины, такая жертва кажется слишком большой и неоправданной. И трагичной: у четырех не было выбора, она боролась за выживание.

За внешней независимостью и успехом была разлука с детьми, как можно предположить, вполне принимаемая обществом¹⁴. Матери из высшего света не были привязаны к своим

¹⁴ Французская исследовательница Элизабет Бадинтер проследила историю материнских установок на протяжении четырех столетий и пришла к выводу, что в самой Франции материнская установка стала нормативной только во второй половине

детям так сильно, как, возможно, женщины из более низких сословий¹⁵. Они смогли стать первыми, пусть насильственно, под гнетом эмиграции и нежеланной революции, эмансипированными женщинами, которым их воспитание и образование позволили реализоваться профессионально¹⁶.

В книге приводились и факты, указывающие на то, что миф о русской красавице эксплуатировался женщинами в откровенно корыстных целях уже в эпоху первой волны эмиграции. Свидетельства указывали, например, что в эвакуировавшейся армии барона Врангеля в Константинополе оказалось много девушек из домов терпимости Петрограда, Москвы, Киева, Одессы и Ростова, которые часто выдавали себя за жен офицеров, то есть дам из благородного сословия. Это позволяло им назначать более высокую цену за свои услуги. Но вместе с тем подобная практика порочила всех остальных русских женщин, многие из которых пытались зарабатывать не такими способами.

Была написана даже «Петиция стамбульских дам» «против этих сеятелей греха и супружеских измен, которые гораздо страшнее, чем сифилис и алкоголь». Они призывали «выгнать их (русских проституток) прочь с нашей земли». Турецкие одалиски настаивали на том, что русские женщины «обобрали турецкого мужчину и отняли у него последнее имущество, они разрушили наши семьи, развратили наших сыновей и стали дурным примером для наших дочерей – короче говоря, за один-два года им удалось и сейчас удастся принести больше вреда, чем всем русским армиям вместе взятым»¹⁷.

Вместе с тем за границей, в той же Франции, со временем возникла мода не только на русский стиль, но и на русских жен.

К «русским музам европейской культуры» можно причислить Елену Дмитриевну Дьякову, знаменитую Галу, сыгравшую далеко не последнюю роль в творческой судьбе Поля Элюара и особенно Сальвадора Дали; Лелю Саломе (Лу Андреас-Саломе), родившуюся и прожившую 20 лет в Петербурге, а впоследствии на долгие годы обосновавшуюся за границей. Она была близким другом Ницше, Рильке, Фрейда. Русские жены были у Пабло Пикассо, у Ромена Роллана, де Кирико, Луи Арагона, Анри Матисса, Герберта Уэллса.

Женская предприимчивость в эмиграции с самого начала оценивалась с точки зрения удачного замужества. Личная жизнь вынужденно выступала для многих эмигранток своего рода предприятием, бизнесом, когда за элегантными манерами и томными взглядами могли прятаться «оловянные» сердца¹⁸.

Но нельзя было не отметить: нет каких-либо указаний на то, что эти золотые союзы, союзы мастеров и маргарит, гениев и муз, являются идеальной моделью для современной эмигрантки, которая видит свое счастье в рамках традиционной, или если точнее, нормальной модели поведения, где есть место и детям, и взрослым, и старикам. Поменялись технологии успеха. Женщины-музы, женщины-чаровницы, женщины-наслаждения, красавицы, разруши-

XVIII века. «Материнский инстинкт – это миф. ...Все зависит от матери, от ее истории и от Истории...» (цит. по Кон И. С. Социологическая психология. Избранные психологические труды. Москва – Воронеж, 1999, С. 460–461).

¹⁵ Вспомним хотя бы Анну Каренину, которая оставила своего сына на попечении мужа и не испытывала потом никакого материнского чувства к дочке, рожденной от Вронского. Существовали две нормы материнства в России: женщины из низких сословий после рождения детей были привязаны к ним, выполняя роль и кормилиц, и воспитателей. Женщины из высшего света не должны были проводить все свое время с детьми, и в этом смысле были более эмансипированными.

¹⁶ Эмансипация – это процесс не столько радостный, сколько вынужденный. Он связан с психологическим напряжением и ежедневной духовной работой. И меньше всего имеет отношение к произволу волеизъявления.

¹⁷ Васильев А. Красота в изгнании. – М.: «Слово/Slovo», 1998, С. 81–82.

¹⁸ «Оловянное сердце», сердце, не могущее любить», – образное выражение Александра Вертинского, сказанное им в адрес своей возлюбленной Валентины Саниной, тогда, во время встречи со знаменитым певцом, в 1918 году, начинающей актрисой, а впоследствии ставшей владелицей известного дома мод в Нью-Йорке. Благодаря связям мужа, известного театрального импресарио, ее клиентками стали Грета Гарбо, Марлен Дитрих, Пола Негри. Валентина Санина принадлежала, видимо, к роковым женщинам, которые пользовались своими поклонниками, в том числе и для развития бизнеса.

тельницы и вдохновительницы, роковые, демонические женщины. Это женщины, чья жизнь всецело посвящена мужчине, или требующие такой же отдачи, но по сути своей эти женщины бездетны. В таких отношениях нет места больше никому.

Как сказала одна гениальная русская актриса в своем откровенном интервью, дети вытесняются или публикой или мужчиной, для которого хочется играть. У этого типажа должно быть свое место в многообразии типов русских женщин.

Семейная сторона жизни русских манекенищи, русской богемы, не описана как несущественная. Богема на то и богема, чтобы окутывать себя мифами, не прояснять, а затуманивать, завораживать внимание публики красотой жеста и изяществом позы. Замечание маэстро «Нужно или детей воспитывать, или карьеру делать!» – не кажется мне теперь простым назиданием, сделанным мимоходом.

Социальный портрет русских в Париже: до и после

В литературе выделялось четыре волны русской эмиграции во Франции, по историческим периодам и мотивам выезда из страны. Первая, политическая, послереволюционная волна эмиграции была связана с выдворением или бегством из России, охваченной революционной лихорадкой, представителей высших сословий и интеллигенции¹⁹. *Это была вынужденная эмиграция, свершившаяся по политическим мотивам, то есть под давлением внешних обстоятельств.* По сведениям Лиги наций, которые приводит Е. Ковалевский, только в сентябре 1926 года из России выехало 1 160 000 человек, около ста тысяч из них в конце концов осело в Париже²⁰. Их жизнь, пожалуй, наиболее подробно описана. Русские в эмиграции жили надеждой на скорое возвращение, не верили в долговечность советского режима. Считалось особой доблестью сохранить идеалы прошлого, высокие культурные и духовные традиции, прежде всего язык. «В деле сохранения национального облика и качеств русского человека на чужбине сыграли очень большую, если не решающую роль русская культура, которая высоко ценилась и ценится во всем мире, и русский язык, за чистоту которого боролись лучшие сыны рассеяния. Со стороны самого русского зарубежья шла неустанная и упорная борьба за сохранение русской культуры как в русских школах, так и организациях молодежи»²¹.

Для самой российской эмиграции первой волны, насколько можно судить по многочисленным мемуарам, книгам самих эмигрантов, Россия была и остается «основной точкой отсчета» в оценке их собственной биографии, биографии своего поколения, как бы ни рассматривался разрыв с родиной – как трагедия, или как долгожданное освобождение²².

В значительной мере это мешало их органичному включению во французское общество.

Вторая политическая волна была не столь многочисленной, насчитывала несколько сотен человек, которые остались во Франции, не желая или опасаясь вернуться в Советскую Россию *после Второй мировой войны*.

Еще один прилив эмиграции совершился в *семидесятые-восемьдесятые годы*. Их было уже совсем мало – писатели-диссиденты, молодые люди крайних левых взглядов, сбежавшие во время командировок или гастролей артисты и ученые.

Наконец, четвертая волна хлынула *после падения железного занавеса в конце восьмидесятых – начале девяностых* и получила позорное название «колбасной». Считалось, что эти люди остались на постоянное проживание или попросили политического убежища исключительно по меркантильным мотивам, в погоне за западным комфортом и уровнем жизни. От этой волны поспешили отгородиться диссиденты, акцентируя особое внимание на том, что они представляют интеллектуальный цвет нации, ее самую свободолюбивую часть. Вопрос о самоопределении эмигрантов, их принадлежности к той или иной волне – это вечный повод для внутриэмигрантских дискуссий и скрытого противостояния.

Культурное лицо русской эмиграции во Франции определяла первая, самая многочисленная волна эмигрантов.

У российской эмиграции во Франции хорошая репутация – она считается высокообразованной, одаренной и беспроblemной. Такую репутацию поддерживали сами эмигранты, наста-

¹⁹ Реально ее представители были из разных сословий – купечества, казачества, мещан, как правило, были хорошо образованы, ценили и берегли все русское, прежде всего язык и обряды, и старались передать эту любовь детям.

²⁰ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. – Paris, Librairie des Cinq Continents, 1971.

²¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. – Paris, Librairie des Cinq Continents, 1971.

²² Varshavsky V. The Lost Generation: New-York, Chekhov Publishing House, East European Fund, 1956; Полчанинов Р. Молодежные организации Российского Зарубежья. – Записки русской академической группы в США, New-York, 1994; Хитрова Е. В. Культурная адаптация русских эмигрантов во Франции в 20–30-е годы XX века (по мемуарным источникам). – Россия и Франция, N2, М., 1998.

ивая на высокой культурной миссии, которую несут русские в изгнании, даже если это связано с определенными психологическими издержками.

На фоне алжирской эмиграции, представляющей настоящую головную боль для Франции и выступающей предметом постоянных общественных обсуждений, исследований, разработки специальных программ помощи и протекции на государственном уровне, русская эмиграция не заметна. Она малочисленна²³, как правило, хорошо образована. Русские рассредоточены в престижных районах города Парижа, подростки не группируются в банды, не хулиганят на улицах. Напротив, русские по происхождению дети, как правило, хорошо учатся и нацелены на высокие социальные позиции.

Текущая эмиграция еще не получила своей устоявшейся оценки. Здесь я привожу данные из одного из первых интервью в Париже, взятое мною у известного журналиста, эмигранта четвертой волны. Он вводит понятие *пятой, челночной, лояльной эмиграции, понимая под этим термином мигрантов, которые используют исключительно легальные способы проживания на территории Франции*, в пределах сроков, установленных визовым режимом.

²³ По официальным данным только около ста россиян в год получают гражданство во Франции. В отечественной прессе промелькнуло: официальная эмиграция во Франции составляет всего около 4 500.

Интервью с Сарниковым Никитой, корреспондентом Русской студии Радио Франции. Париж, 1999 год

Н.С.: Когда эмигрант прибывает, он начинает сближаться с французом. Причем интерес взаимный, французов интересует, какая волна идет? И первый год я себя чувствовал человеком, которого приглашали в разные круги, вплоть до масонской ложи, чтобы я рассказал о том, как проходил путч 91-го года, потому что я был непосредственным его участником. Все нормальные люди тогда собрались возле Белого дома. Их интересовал этот мой опыт, потом их занимали мотивы моей эмиграции.

О.М.: Был какой-то ожидаемый ответ?

Н.С.: Как раз у них было больше старого предубеждения. Историю сделала диссидентско-колбасная волна. Как говорит Наташа Горбаневская, их было всего пять человек на Красной площади, когда танки вошли. Как ни странно, они остались диссидентами и здесь. Может, потому что они ожидали чего-то другого, их и здесь мало что устраивало. Может, это такая психология, может, люди рождаются диссидентами. Есть такое выражение: «*Люди не меняются, а усугубляются*». Получилось, что для них собственно строй не имеет особого значения. Когда я наблюдаю людей, которые приехали по колбасным мотивам, они требуют колбасы точно так, как они требовали ее там.

Когда человек только приезжает сюда, он получает ненастоящий опыт французского общения. Это опыт общения француза с эмигрантом. Его держат за такое любопытное создание, на которое смотрят с интересом, чтобы понять, где оно и как оно собирается двигаться дальше. Очень быстро начинает это понимать. У него складывается ложное впечатление о том, как общаются французы. И он думает про себя: «Нет, я в такие игры играть не хочу, я лучше буду с русскими». В русских клубах в Париже, я уверен, принято ругать французов. Эмигрантов очень неохотно допускают в свою среду сами французы. Может создаться впечатление, что французы холодные. На самом деле все это не так. Они так же дружат, как русские, так же любят, как русские, и так же привязаны друг к другу, как мы.

А в русской среде все считается буквально по годам. Один из первых вопросов, которые тебе зададут: «А когда ты попал?». И тут же начинается особый отсчет, выстраивается своя иерархия. Вот эта актриса, которую мы видели в театре (интервью взято после спектакля в рамках русского театрального фестиваля в Париже), первое, что она спросила: сколько лет вы уже здесь? Я сказал, что восемь. Это огромный срок для нее, потому что я знаю, что она всего два-три года. И потом мне было очень интересно наблюдать, как она поведет себя по отношению ко мне. Она вела себя как младшая по званию.

Я бы сказал, что сейчас пошла другая эмиграция. Сейчас появляются люди, у которых срок визы на три месяца. Они появляются на три месяца, и как только виза *заканчивается, они уезжают, а потом добывают себе новую визу, и снова сюда. Это – лояльная эмиграция.*

О.М.: В смысле законопослушная?

Н.С.: Да, законопослушная. *Челночная эмиграция.* Хороший термин, между прочим.

О.М.: Да, хороший термин. Она мне кажется более органичной, потому что движение фрикциями кажется мне более органичным, чем только вперед и дальше.

Н.С.: В психологии этой эмиграции есть то, чего не было у диссидентско-колбасной. Это чувство лояльности. Те шли ва-банк, до конца. Они приезжали и оставались. У них и не было другого выбора, возврат был чреват всякими последствиями. Они приезжали по трех-шестимесячной визе и тут начинали вести политику: вот я сидел, мои родители сидели. Объявляли себя диссидентами или хоть и гомосексуалистами. Челночная эмиграция одержима идеей найти легальные пути, чтобы здесь остаться. Теперь, после перестройки, себя не объявишь голубым или диссидентом. Теперь один из способов получить визу – это получить разрешение на учебу.

Они приезжают сюда в тайной надежде встретить человека, который мог бы по любви или по расчету сделать ему визу. Через брак.

О.М.: То есть на сегодняшний день брак оказывается самым надежным и принимаемым законом способом эмиграции во Франции?

Н.С.: Все эти брачные агентства переполнены всякими заявлениями, какими угодно предложениями. Но у этих браков есть уже определенная репутация. В эти браки вступают вполне определенные французы. Чего хочет традиционный француз? Он хочет традиционную французскую жену. Но ее он получить не может. Потому что француженка стала независимой, свободной. И тогда он думает, а вот если я возьму жену из России, Таиланда или Венгрии, то она будет от меня зависеть и слушаться. Но среди французов есть уже и другие. Не случайно, здесь обсуждается закон о принятии пакта гражданской солидарности. Люди заключают между собой контракт, по которому после смерти одного из партнеров он получает право наследования. Так например, если у тебя есть миллион, ты говоришь мне: «Я хочу, чтобы ты был спокоен за свое будущее, и хочу заключить с тобой пакт». Ты, между прочим, можешь быть мужчиной, а можешь быть женщиной.

«В конце концов большинство из них сваливается в поиски партнеров по браку», – таково было заключение моего собеседника. Никита передал мне часть своего архива – статьи, книги об эмиграции, а также любезно отвечал на те вопросы, которые касались психологической жизни в эмиграции, что помогло обрисовать проблему будущего проекта, за что я ему чрезвычайно благодарна.

Парадокс русской эмиграции первой волны

«Эмигрант уносит с собой свою родину, и велик соблазн остановиться на обособленном и раз и навсегда затвердевшем представлении о ней».

«Эмиграция, чей смысл в верности высшим ценностям, высшим ценностям, затоптанным на родине, не может позволить своим детям пойти по пути непосредственной ассимиляции, утери языка и связи с отчизной».

Никита Струве

Был один парадокс, на который невозможно было не обратить внимание, когда погружаешься в чтение русскоязычных мемуаров эмигрантов. С одной стороны, огромная работа по воспитанию русских детей в эмиграции, с другой стороны, проблема второго, «потерянного» поколения русских, которые выросли в изгнании, но не нашли себя.

Действительно, ни одна волна русских эмигрантов во Франции не отличалась таким стремлением воспитать своих детей в религиозно-патриотическом духе, и ни одна волна не заплатила за свое патриотическое рвение именно детьми.

По сути своей эмиграция всегда вторична, в культурном и психологическом отношении зависима от страны исхода. Результатами поисков путей разрешения этого напряженного и неестественного отрыва от истоков являются попытки мысленного и физического возврата на родину²⁴.

В среде русской послереволюционной эмиграции было немало сподвижников сохранения и умножения русских образовательных традиций. Чтобы поддержать в детях интерес к русской культуре, в эмигрантских учебных заведениях предпочтение отдавалось изучению гуманитарных дисциплин и религиозному воспитанию.

Ориентированные на русскую культуру семьи искали дополнительные способы обучения: организовывали индивидуальные занятия с преподавателем, посещение лекций и клубов при штабе Русского Христианского студенческого движения и при Народном университете. При французских школах было организовано обучение на русском языке. В большинстве православных приходов во всей Франции, а их было около ста, были организованы церковно-приходские школы.

В эмиграции довольно широкое распространение получили религиозно-патриотические клубы, прежде всего Русское христианское студенческое движение («Action chrétienne des étudiants russes – ACER»), «Русские скауты во Франции» («Scouts russes de France»), «Витязи» («Vitiaz»), «Русские соколы» («Sokol russe»), а также движение скаутов и чешское спортивное движение «соколов» – гимнастическое движение, в котором преобладали панславянские настроения.

УМСА (ИМКА), Всемирный альянс ассоциаций молодых христиан, помогал организовывать работу Русского студенческого христианского движения. Возникли такие организации как «Витязи РСХД», «Соколы», после войны, НОРР (Национальная организация русских разведчиков). В 1941–42 годах в Париже шла подготовка к созданию Национального объединения молодежи в среде русской эмиграции с целью религиозного воспитания²⁵. Среди принципов

²⁴ Старк Б. По страницам синодика, – Российский архив., М., 1994; Костиков В. Н. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции): М., 1990; Ковалевский П. Е.). Зарубежная Россия. – Librairie des Cinq Continents, Paris, 1971; Алой В. Записки аутсайдера. – Минувшее, т. 21, т. 22, 1978; Витенберг Е. В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям, – Автореф. на соискание уч. ст. канд. психол. наук, Санкт-Петербург, 1994; Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. – Москва, 1991.

²⁵ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. – Librairie des Cinq Continents, Paris, 1971; Полчанинов Р. Молодежные организа-

скаутского движения были: долг перед Богом (приверженность духовным принципам, верность религии, которая их выражает, принятие вытекающих из этого обязанностей), долг перед другими (верность своей стране в гармонии с развитием мира, взаимопонимание и сотрудничество на местном, национальном и международном уровнях; участие в развитии общества с признанием и уважением достоинства соотечественников и целостности природного мира), долг по отношению к себе (ответственность за свое собственное развитие).

Интеллектуальные и церковные лидеры имели возможность для более тесного общения с молодым поколением эмигрантов и влияния на их умственное и духовное развитие²⁶.

Издавались книги и журналы для детей. Меценаты не жалели денег на издание детских книг, в числе которых были «Избранные рассказы для детей» А. И. Куприна, «Азбука» Л. Н. Толстого, журнал «Зеленая палочка». В журнале существовал постоянный отдел – «Крепко помни о России», проводились конкурсы – географические, исторические, литературные. Здесь печатались воспоминания и рисунки, посвященные исчезнувшему быту старой России, произведения классиков и современников (И. Бунина, А. Толстого, А. Куприна). Русские гимназии курировались известными общественными деятелями и учеными – Лосским, Ельчаниновым, Зеньковским²⁷.

Особое внимание уделялось всегда *сохранению русских праздников* – Пасхи, Рождества, Нового года, *и, конечно, языка*. Старики сетовали, что часть молодежи, говорящая по-русски, грустирует, «уснащая русскую речь французскими словечками и фразами»²⁸.

Реакция на настойчивое желание родителей передать язык детям появилась во втором поколении эмигрантов. В. Варшавский писал, что они говорили «как-то даже более по-французски, чем настоящие французы»²⁹.

Менялась политика государств проживания, особенно в годы обострения международной обстановки, прежде всего в военный и послевоенный периоды. В некоторых странах скаутское движение было запрещено или взято под контроль. Каждый инструктор НОРС во Франции должен был дать подписку следующего содержания: «Зная национальное направление и внепартийность организации, пропагандировать свои политические убеждения среди членов НОРС. Даю честное слово в том, что не состою советским гражданином, осуждаю советский «патриотизм» и отрицаю коммунистическое учение, как несовместимое с состоянием в рядах русского скаутизма»³⁰.

Эта цитата указывала на то, что клубы не только выполняли определенную роль в воспитании, но и на то, что само воспитание очень долго было направлено на поддержку антисоветских настроений.

Но при всей монолитности и согласованности первой волны эмиграции ей не удалось решить вопрос социализации, то есть грамотного включения своих детей во французское общество. Решившись на *консервацию национальных традиций*, русские в изгнании заплатили за них *поколением изгоев*. «У этого старшего поколения была своя «биография», а мы жили без всякой ответственности, как бы сбоку мира и истории. Нам уже веял ветерок несуществования. Даже для наших отцов мы были чужие. Поколение выкидышей»³¹. Они прошли в изгнании

ции Российского Зарубежья, – Записки русской академической группы в США, New-York, 1994; Кудряшов Ю. Российское скаутское движение (Исторический очерк). – Архангельск. Изд-во Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 1997.

²⁶ Старк Б. По страницам синодика. – Российский архив., М., 1994.

²⁷ Дон Аминадо, Поезд на третьем пути. – Москва, 1991.

²⁸ Костиков В. Н. Не будем проклинять изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990.

²⁹ Varsavsky V. The Lost Generation, – New-York: Chekhov Publishing House, East European Fund, 1956.

³⁰ Кудряшов Ю. Российское скаутское движение (Исторический очерк). – Изд-во Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Архангельск, 1997.

³¹ Varsavsky V. The Lost Generation. – New-York: Chekhov Publishing House, East European Fund, 1956.

«страшную школу одиночества, нищеты и отверженности, и все-таки в условиях необычайно трудных пытались быть русскими интеллигентами».

Считалось, что эта плата за «русскую идею», национальную и религиозную традицию была оправдана. Это тот самый случай, когда русские либералы за рубежом выражали фактически националистическую позицию, согласно которой боль и интересы отдельного человека, частная жизнь всегда покрывалась более сильной картой национальной идеи³². Во всяком случае, к этой проблеме потерянного поколения эмигранты возвращаться не любят. Другая идея, идея возврата на родину культурного наследия, сохраненного в годы изгнания, стала сквозной и конституирующей для идеологии русской эмиграции во Франции.

Этот мотив, *мотив потерянного поколения, или проблема «Generation-2»* зазвучал в тех немногочисленных исследованиях социально-психологических феноменов адаптации современных русских эмигрантов «экономической» волны в других странах – США, Германии, Израиле. Данные исследований и свидетельства наблюдателей, изучающих психологический аспект проблемы эмиграции, указывают на то, что русскоговорящие переселенцы из бывшего Советского Союза очень привязаны к отечественной культуре, гордятся достижениями бывшего СССР. Они менее удовлетворены культурой принимающей страны и отношениями между людьми³³. Нежелание родителей отказываться от прошлого, их настойчивое стремление передать детям любовь к своей культуре и родному языку вызывает неприятие у младшего поколения, приводит к разрыву в аккультурации между детьми и родителями³⁴. Данные показывают, что в течение первых лет проживания в эмиграции происходит разрыв в аккультурации, то есть в уровнях адаптации к стране прибытия детей и родителей³⁵. При том, что проблема «отцов и детей» всегда была важной для русской культуры как проблема старого и нового, в эмиграции они оказываются еще и в разных культурных и языковых полях³⁶.

Знаменитая топ-модель, выросшая в США, Мила Йовович говорила в интервью «Женскому журналу» об этой проблеме: «После переезда я быстро приспособилась к западной жизни, а она все оставалась украинской мамой, обожающей свое дитя, но считающей, что я ее собственность и поэтому она вправе говорить мне, что хочет, и принимать за меня решения. Порой очень неприятно было слышать от нее фразы «Ты ничего в этой жизни не понимаешь», «Я тебя родила и лучше знаю, как нужно жить.» Я очень люблю маму, но раньше мы с ней часто ругались»³⁷.

Наконец, по приезде во Францию, я услышала несколько историй убийств и самоубийств, которые потрясли и своей неожиданностью, и своей жестокостью не только русскую эмигра-

³² О причудливых переходах между национализмом и либерализмом см.: Малинова О. Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века), – Москва: РИК Русанова, 2000.

³³ Flaherty, J. A., Kohn, R., Golbin, A., Gaviria, M., & Birz, K. Demoralization and social support in Soviet-Jewish immigrants to the United States// Comprehensive Psychiatry, 27(2), 1986.

³⁴ Szapocznik, J., Rio, A., Perez-Vidal, A., Kurtines, W. M., Hervis, O., Santisteban, D. Bicultural effectiveness training: An experimental test of an intervention modality for families experiencing intergenerational/intercultural conflict// Hispanic Journal of Behavioral Sciences, 8(4), 303–330, 1986; Taft, R. Intergenerational changes in ethnic identity among Jews in Australia // In J. W. Berry & W. J. Lonner (Eds.), Applied Cross-Cultural Psychology: Selected papers from the second international conference of the International Association for Cross-Cultural Psychology (pp. 69–74). Amsterdam, 1975; Buchanan, R. M. Intergenerational and gender differences in acculturation: Implications for adolescent-family adjustment// Unpublished master's thesis, University of Maryland, College Park, MD., 1994.

³⁵ Szapocznik, J., Rio, A., Perez-Vidal, A., Kurtines, W. M., Hervis, O., Santisteban, D. Bicultural effectiveness training: An experimental test of an intervention modality for families experiencing intergenerational/intercultural conflict. – Hispanic Journal of Behavioral Sciences, 8(4), 303–330, 1986.

³⁶ Jasinskaya-Lahti, I., Lienkind, K. Predictors of the actual degree of acculturation of Russian-speaking immigrant adolescents in Finland// International Journal of Intercultural Relations, V. 24, N4, 2000; Flaherty, J. A., Kohn, R., Golbin, A., Gaviria, M., & Birz, K. Demoralization and social support in Soviet-Jewish immigrants to the United States//Comprehensive Psychiatry, 27(2), 1986; Birman, D., Tyler, F. B., Acculturation and adjustment of Soviet Jewish refugees in the United States// Genetic, Social and General Psychology Monographs, 120(1), 101–115., 1994.

³⁷ «Женский журнал», Киев, февраль, 2001.

цию, но и всю Францию. Это наводило на мысль, что *психологические проблемы русских скорее не внешнего, а внутреннего характера. Они прорываются вовне громкими суицидами или затяжными депрессиями, которые, как мы можем предположить, являются отсроченными последствиями непростроенных, дефицитных отношений между ребенком и взрослыми, которые не отвечают на насущные вопросы становящейся личности ребенка.*

Согласно единственной к началу исследования концепции адаптации русских³⁸, можно говорить о следующих фазах адаптации: «медовый месяц» (характеризуется оптимизмом, идеализированием страны пребывания); стадия враждебности к новой культуре по причине невозможности решать проблемы привычным образом; «выздоровление» и, наконец, стадия завершенной адаптации. Она вполне согласовывалась с особенностями динамики процессов адаптации у иммигрантов в других странах³⁹. Анализ процессов ассимиляции во Франции показывал, что ассимиляция русских во Франции уже завершена⁴⁰.

Речь шла прежде всего о первой волне русской эмиграции. И, таким образом, единственная работа, сделанная на письменных русскоязычных источниках, закрывала тему психологической и культурной адаптации русских, едва ее обозначив.

³⁸ Витенберг, Е. В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. – Автореф. на соискание уч. ст. канд. психол. наук, Санкт-Петербург, 1994.

³⁹ См.: Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М., 1999; Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – Москва, «Академический проект», 1999; C. Ward, S. Bochner and A. Furnham, *The Psychology of Culture Shock*. – Routledge, 2001.

⁴⁰ Хитрова Е. В., Культурная адаптация русских эмигрантов во Франции в 20–30-е годы XX века (по мемуарным источникам), – Россия и Франция, N2, М., 1998.

Русские глазами французов

Несмотря на большое количество русскоязычных мемуаров и свидетельств тяжелой, порой трагической жизни вдали от родины⁴¹, не удалось найти свидетельств или попыток психологического анализа феноменов российской эмиграции ни французскими, ни российскими исследователями. *Российская диаспора никогда не заявляла о своих проблемах вовне, являясь самой терпеливой, молчаливой и достойной за всю историю Франции.*

Складывалось впечатление, что и для самих французов русская эмиграция была непонятной. Мне не удалось найти ни одного источника на французском языке, где бы русская эмиграция упоминалась как современный социальный феномен наряду, например, с польской.

Вот фрагменты из устных выступлений французских коллег в рамках одного из многочисленных семинаров, проходящих в Доме наук о человеке. Я специально спровоцировала обсуждение, чтобы актуализировать хотя бы интуитивный образ русских в Париже.

«На фоне других массовых эмиграций (китайской, алжирской, турецкой) русская эмиграция, к которой на Западе причисляют всех выходцев из бывшего СССР, относится к наименее интегрируемым эмиграциям, живет своим замкнутым кругом. Можно предположить, что они стараются воспроизводить быт, обычаи, нравы, тип отношений, знакомые им по родным местам, как это делают многие эмигранты».

«Русские разговаривают на своем языке, иронично, критически и с недоверием относятся к местному населению. Общественная и культурная жизнь русских вращается вокруг церкви. На самом деле все, что мы знаем про русских, это то, что они ходят в православную церковь». Среди внешних признаков русской эмиграции помимо ее религиозности называли и высокую образованность, очевидные успехи русских в области интеллектуальных и творческих профессий – ученые, журналисты, писатели, музыканты. «Русские или танцуют, или играют на музыкальных инструментах, или рисуют».

В одном из французских телевизионных шоу, посвященном проблемам иммигрантов этой страны, было высказано предположение, что проблема адаптации русских является скорее проблемой применения их талантов.

Таким образом, во французском научном и публичном дискурсе проблема адаптации русских не была представлена. Единственным источником данных в такой ситуации были устные высказывания и рассказы.

⁴¹ Костиков В. Н. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции), М., 1990. Сухачева В. А. Общественно-педагогическое движение российской эмиграции в странах Европы (1919–1939). – Автореф. на соискание уч. ст. канд. пед. наук, Нижний Новгород, 1995; Хитрова Е. В. Культурная адаптация русских эмигрантов во Франции в 20–30-е годы XX века (по мемуарным источникам). – Россия и Франция, N2, М., 1998.

Из первых интервью с русскими эмигрантками:

«Мы уехали из страны, где нас все любили, а приехали в общество, где мы оказались никому не нужны».

«Я не пожелаю врагу того, что с нами происходило».

«Припертая обстоятельствами к стенке, вытесненная на задворки жизни в постперестроенной России, нерусская, но с русским сыном, я вынуждена была искать радикальный выход. Я была всего лишь одной из тысяч женщин, которые чувствовали себя неприкрытыми со своими детьми – войны, нищета, бесправие, безработица, дикие отношения в семье не давали передохнуть. Мы постоянно проваливались, ситуации требовали неженской воли, агрессивности, изобретательности и расчетливости».

«Трясаясь в продуваемой всеми ветрами и выюгами электричке, мотаясь между плохо обустроенной семьей и работой, я с отчаянием понимала, как уходят силы, и завтра их не хватит уже и на это».

«При моем комплексе везения и уверенности, что жизнь бывает по отношению ко мне несказанно щедра, веря в это, как Золушка в счастливую перемену, я ужасалась: а как же другие, с печатью многолетней усталости и неизбывной тоски, те, у которых ничего не происходит особенного, кроме Нового года и Пасхи, да дежурного дня рождения. Угасшие лица матерей, прозрачные лица детей. Потом я встретила их и в эмиграции, которая сама по себе ничего не решает. Только на фоне феерического города, с опытом разочарований за плечами они казались еще более потерянными».

«Я всегда старалась их обойти стороной. Не хочу быть с ними. Мне неприятно думать, что я такая же несчастная, как они».

«Самое страшное это то, что мы не могли дать своим детям даже половины тех социальных благ, которые с таким трудом дали нам наши родители, прорвавшись из необразованных рабоче-крестьянских слоев в интеллигентскую прослойку».

«Я уехала из России, чтобы иметь возможность что-то сделать. Пить чай в конторе – вот и весь удел в совке».

«Я так нуждалась в опеке. Мне надоела нищета, придирки, измены мужа. После его ухода мы с сыном остались одни. Нам уже не хватало денег даже на лекарство. Когда я встретила Жилия, я подумала, что это избавление от всех наших несчастий. Я ему бесконечно верила, потому что верить было некому. В Красноярске у меня остались больные родители и брат. Когда я хочу вернуться, они меня уговаривают терпеть. Я думаю, они боятся потерять те деньги, которые я передаю им со знакомыми».

«Я не понимаю, о какой проблеме выживания здесь говорят. Мне кажется, многим женщинам, просто не хватает последовательности. Я родила своих девочек уже после того, как выучила язык. Потом нашла работу. Пришлось забыть о работе редактора. Здесь я менеджер, и очень довольна».

«Даже если война в Чечне закончится, я не верю в счастливую перемену, в то, что воцарится мир. Мой брат погиб в Афгане. Сын моей хорошей знакомой пришел инвалидом из Чечни, контуженный мальчик, который раньше выступал на эстраде. Нам-то это за что?»

Я ехала в Париж, чтобы поговорить со взрослыми, ответственными людьми, которые пережили опыт ухода, с женщинами, которых уводил в зону большей выживаемости материнский инстинкт или мечтания о счастливой семье.

Часть 2

Выбор ракурса наблюдения и жанра работы в эмиграции

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.